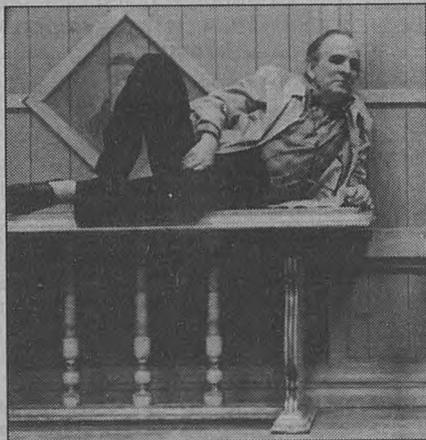

Новая бергманорама

РЕТРОСПЕКТИВА

В Москве, в залах Музея кино, проходит грандиозная ретроспектива фильмов Ингмара Бергмана.

34 из 45 сделанных мастером картин сегодня доступны русским зрителям. В разговорах об искусстве цифры – вещь пустая, если не сомнительная. Однако трудно удержаться, чтобы не сопоставить вышеприведенные с убогой статистикой советских показов. За почти 40 лет работы в кинематографе Бергман только трижды удостоился благосклонного внимания наших закупищиков, когда в прокат попали «Земляничная поляна», «Осенняя соната», «Фанни и Александр»

Ингмар Бергман на съемках фильма «Фанни и Александр»

(две последние картины были «тронуты» ножницами цензуры). Еще несколько шедевров проскочили в программах недель шведского кино и информационных показов московских кинофестивалей. Можно вспомнить гастроль в Москве Королевского драматического театра из Стокгольма осенью 1988 года с двумя спектаклями в постановке Бергмана – «Гамлетом» Шекспира и «Фрекен Юлией» Стриндберга. Так что наше знание искусства одного из немногих истинных гигантов уходящего столетия до недавнего времени было куцым, то есть ущербным.

Вообще-то тут есть некая загадка. Ответственные за культуру товарищи не прощали антисоветских произведений, а также участия в акциях, задевающих болезненно впечатлительное самомнение Кремля. Бергман же, об-

жегшись в театральной юности на прямолинейно антифашистской постановке «Макбета», дал себе зарок: «Больше политики не будет». И зарок в целом сдержал. Если не считать двух фильмов – раннего «Такого здесь не бывает» и позднего «Змеиное яйцо» (оба не включены в ретроспективу как нетипичные) – и постановки «Дознания» Петера Вайса (по жизни близкого друга Бергмана), политическое, ангажированное искусство не входит в круг его первейших интересов. И на политические жесты он не падок. Разве что в

начале 80-х публично поддержал Андрея Тарковского, преданного на родине официальной анафеме. Из всего набора, для советской власти неприемлемого, более или менее адекватно было сформулировано одно: пессимизм. Бергман и в самом деле пессимист, притом что в общественном плане открыто и, похоже, искренне считает социализм наилучшим из общественных устройств. Понятно, что шведскую его модель, а не нашу его мутацию. Означают ли переполненные залы Музея кино, что бергмановский пессимизм созвучен московским зрителям? Означают, конечно. Но здесь полезно уяснить себе и еще кое-что.

С начала 80-х годов нам начал открываться «третий Бергман». Не театральный постановщик и не кинематографист, а литератор. Его книги «Laterna magica», «Картины», «Благие намере-

ния», «Воскресный ребенок», «Исповедальные беседы» печатают толстые журналы с небольшим временным отступом от первоизданий. Что касается последней повести, то ее русский перевод опубликован «Новым миром» и вовсе почти одновременно со шведским изданием.

«Третий Бергман», как, впрочем, и Бергман кинематографический, – автобиографист. Рассказывая о происшествиях из своего прошлого, он сосредоточен на пристальном и безжалостном самоанализе. При этом в себе ребенка, себе художнике его прежде всего, если не исключительно, интересуют исток и характер отношений с другими людьми и с существующим (или не существующим) моральным порядком. Открытый антиколлективист, режиссер и писатель Ингмар Бергман всю жизнь пытается освоить территорию личностной свободы, ее просторы и ее ловушки. Самовопросания и самоотчеты героев «Седьмой печати», «Лица», «Земляничной поляны», «Осенней сонаты» становятся понятнее благодаря этим книгам, а также благодаря тому, что мы и сами здесь, у себя, вступаем в психологическую ситуацию, которую первыми очертили Чехов и Стриндберг и в которой культурный мир прожил чуть ли не весь XX век. Ситуацию индивидуализма. Оказалось, что именно ее, как рамой, обвели фильмы и книги великого шведа, при этом в самый подходящий момент. Не перестать ли нам дуться на понятие и слово и не поучиться у Бергмана трезвости и безжалостности по отношению не к другому, а именно к самому себе?! Благо такая возможность представилась: Шведский институт, Шведский киноинститут и посольство Швеции в Москве поднесли ретроспективу фильмов Бергмана в качестве своего подарка к юбилею столицы. Царского, скажем прямо, подарка.

...А слово «бергманорама» придумал Жан Люк Годар, когда в 1958 году, еще в бытность свою кинокритиком, обнаружил, что все новое и живое, пробившееся в европейском кино 50-х годов, начиналось у Бергмана и с Бергмана. Хоршее слово сочинил Годар.

Ирина РУБАНОВА